

Джина Шэй

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Только
НА ОДНУ
НОЧЬ

Сапфировая диалогия

Джина Шэй

Только на одну ночь

«Автор»

2019

Шэй Д.

Только на одну ночь / Д. Шэй — «Автор», 2019 — (Сапфировая диалогия)

Кто не знает имя Светланы Клингер? Да-да, той самой, иконы столичного стиля! У её блога полтора миллиона подписчиков, у неё самой – неоспоримый авторитет в индустрии моды. Самый известный из модных журналов столицы – её королевство. Вот только... У нашей королевы нет короля. Не кому съесть помаду с её губ. Некому снимать с неё идеальные ее аутфиты. Некому раскрашивать серый мир, что её окружает, тысячей оттенков боли. Да, вы не ослышались. Света – мазохистка. Мазохистка, которая уже два года ждет того, кому отдала свой ошейник. Ей нужен только Он, а всех остальных – даром не надо. Особенно вот этого вот наглого хлыща. Он пришел незванным, он занял её место, он... Он просто мудака. И ни на что он не годен. Разве что на одну ночь..... когда она узнает, что ждать ей больше некого. В книге присутствует упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой.

© Шэй Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Самый лучший	5
Глава 2. Бракованный	9
Глава 3. Приторный	13
Глава 4. Потрясенный	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джина Шэй

Только на одну ночь

Глава 1. Самый лучший

Утро, спланированное до мелочей, повторяющееся изо дня в день – это не скучно, это порядок. Подъем в семь-тридцать, получасовая растяжка, на завтрак – овсянка из мультиварки, горсть черники и апельсин.

Брюки-кюлоты, шелковый черный топ-комбинация, белый жакет. Никаких украшений, никакого макияжа, только помада. Алая, яркая, такая, что режет глаз.

Я точно знаю, что если Он вернется сегодня – встретит меня с работы и будет целовать мою помаду, и лишь когда не оставит на моих губах ни капли красного, лишь тогда остановится. Это тоже традиция. По которой я, черт побери, скучаю. Даже нет, я без неё – задыхаюсь. Но это терпимо, это привычно, это часть ритуала ожидания. Тем упоительней будет момент воссоединения.

Я неизлечима, наверно. Нормальные женщины не любят свой день рождения, особенно когда тридцатник стучит пеплом в твоём сердце. А я люблю. Хотя мне до тридцатника еще шагать и шагать. Годик. Или два. Не скажу сколько, сами угадывайте. Одна свечка на кексе, кстати, это вообще не потому, что я стесняюсь возраста, это потому что, ну, больше на кекс просто не влезет, а больше одного кекса мне нельзя. Даже по праздникам. И этот-то кекс выпедрежный, из амарантовой муки, шоколадный, м-м-м. Если бы Танька вчера не приперлась и не поиздевалась над моей кухней, вкусняшек мне сегодня бы не было. Настоящий братан, иначе и не скажешь.

Правда, посуду мыла все-равно я, увы. Такое вот у нас с Танькой разделение обязанностей, если она готовит на моей кухне.

Вообще, сегодня день рождения, и по идее можно было бы достать из шкафа платье, но... Но нет. Я, конечно, очень надеюсь, что Он все-таки приедет именно сегодня, это был бы отличный подарок от судьбы, но... Но если нет, то я буду чувствовать себя глупо. Быть женственной для Него – имело смысл. А для себя или для коллег, которых сегодня надо было поиметь до сдачи номера – а какой семантический смысл? Я и так знала, что расстегни пару пуговиц на груди – и мужик от секса не откажется. И абсолютно похрен, что там на мне – платьишко, или армейская шинель. Была бы у меня нужда чесать самооценку – может, и носила бы. Но мою самооценку мог потешить одобрительный взгляд только одного мужчины. А его, увы, на моем горизонте пока не наблюдалось. Хотя внутри мечтательно подпрыгивали розовые зайчики. А вдруг, ну, вдруг же?

– Доброе утро, Светлана...

Встретить в лифте Альбину Григорьевну, старшую по дому – хороший знак: значит, я не опаздываю и даже успеваю взять кофе. У Альбины Григорьевны на руках скотч-терьер, я традиционно чихаю, аллергия, раздери её Ктулху, всегда настороже. Чихаю, ловлю виноватую улыбку Альбины Григорьевны, пожимаю плечами, поправляю на плече рюкзак. Не знаю, как люди ходят с сумочками меньшего объема, они что, кроме ключей и карточки с собой вообще ничего не берут?

– Светик, привет, какой тебе сироп сегодня?

Оля-бариста, девочка-мальчик, ну, я-то знаю, что она девочка, но первую неделю её работы я нарочно не знакомилась и размышляла – какого же пола это дивное андрогинное эльфийское создание, будто сбежавшее из японской манги.

– Кокосовый, Оль. И побольше.

И пусть у меня все к чертовой матери слипнется. День – осенний, паршивый, серый. Машина на техосмотре, увы, и я совершенно не по привычке спускаюсь в метро. Люди мрачноватые, а мне хочется улыбаться. Мне всегда хочется улыбаться, когда я представляю, что выйду после работы, а у редакции меня будет встречать Он. И пусть не встречает, пусть эта надежда откладывается каждым вечером на следующий день, но рано или поздно – Он вернется. Он обещал, в конце концов.

Ей богу, столько лет, и настолько ванилька. Хотя на самом деле все оправданно.

– Светочка, Звягинцев на больничном. Ногу сломал, – отнюдь не радостно улыбнулась мне Ирочка, секретарь в общей приемной, передавая мне папку со входящей корреспонденцией..

– Это он зря, – вздохнула я. Ей богу, не мог ногу в кабинете сломать, а? У нас, простите за каламбур – черт ногу сломит в номере, а главный редактор ломает конечности. Ши-кар-дос.

Угадайте, кто сегодня шизанется, пытаюсь разорваться на тысячу человек? Правильно – я.

Как и ожидалось – я даже дойти до кабинета не успеваю, меня накрывает атмосферой аврала. Телефон трезвонит не умолкая, всем от меня что-нибудь нужно, а мне бы свою статью дописать, отправить её корректорам да макет свежего номера просмотреть еще раз. И выдолбить острым клювиком мозг всякому инвалиду, что опять затянул со сдачей материалов. Три служебки сегодня полетят в бухгалтерию, и на следующей неделе три нерасторопных черепахи узнают истинную цену собственной медлительности. В следующий раз будут меньше звездить. Звезд у нас нынче дохрена, нажимать кнопки на клавиатуре многие умеют и согласны делать это вовремя за гораздо меньшую, чем у нас, зарплату. Это кризис, господа, не расслабляйте ягодичные мышцы.

Когда внезапно звонит Стариков – номер уже закончен на 99,9%, правда, я парой нечаянных движений руки чуть не сношу электронный макет – серьезно, сам гендир? Да ладно, и чего ему нужно от скромного заместителя главного редактора, а? Раз в тысячу лет его сиятельство до меня снисходит.

– С днем рождения, Светочка. – Тембр голоса у нашего гендира прекрасный. Если разорится – сделает состояние на сексе по телефону.

– Премии дадите, Виктор Юрьевич?

– Еще одну? – рассмеялся Стариков. Так, ура, мне есть на что съездить в Прагу в выходные.

– А что, бывают лишние? – усмехнулась я. – Виктор Юрьевич, дайте номер закончить. А то ваша фамилия в списке учредителей будет с тремя ошибками. Это будет моя коварная месть.

– Светочка, конечно, дам, через час я заеду на работу, пойдем перекусим, есть серьезный разговор. Ты же не обедала сегодня?

Пообедаешь тут, когда дорогой и любимый начальник берет и ломает ногу в такой важный для родины период.

И все-таки, что за разговор такой? Оч-чень интересно.

Но я отправляю номер в типографию, сбрасываю электронную версию в информационный отдел. После этого требую себе кофе, потому что ей богу, я заслужила. Голова просто дымится. Поэтому сбрасываю туфли, закидываю ноги на столешницу и откидываюсь в кресле.

– Вас можно поздравить с повышением, Светлана Валерьевна? – с интересом уточняет Анджела, мой личный ассистент, точнее – моя личная кофеварка. С креативной работой Энджи, увы, справляется хуже. Но кофе варит приличный, это её и оправдывает.

– Поздравить – можно. Но с повышением – это еще почему? – я подняла брови и приняла из рук Энджи чашку.

– Стариков звонил в отдел кадров. Говорят, Звягинцев уволился с поста главреда. Отрабатывать не будет – он на больничном. Просили подготовить приказ о назначении. Пока с открытой шапкой, но кого же еще могут поставить, кроме вас?

Нет, я большая взрослая тетенька, я не буду орать дрянью и подпрыгивать так, как будто получила Оскар. Я всего лишь томно прихлебну свой черный кофе с имбирным сиропом и прикрою глаза в предвкушении.

Ну а что?

Я вообще-то заслужила. Четыре года впахивания, от маленькой лупоглазой корректорши, до заместителя главреда чего-то да стоили.

И это был бы отличный подарок на день рождения. От вселенной и от совета директоров вместе взятых.

И...

Он будет мной гордиться. Когда вернется.

Боже, Светка, какая ты все-таки неисправимая... Но что поделать, само в голову влезло. Большая взрослая тетенька, Светлана Валерьевна Клиндер, спасибо папе за звучную фамилию, над которой я спокойно могу поржать. Ну, не Петрова, и на том спасибо.

Оставшиеся полчаса до приезда гендира я медитировала в кресле, раскатывала губешку и прикидывала, чем лучше заполнить следующий номер. Кого из фотографов позвать, кого из моделей, и так, а что за мероприятия у нас в мире моды сегодня? Может, ну её нахрен ту Прагу и в Милан, а? Или позвонить-таки Нине Миренцо, последняя коллекция сумок у неё была очень даже ничего, хоть и жутко непрактичная.

А потом Стариков сбрасывает цифру “26” в СМСке. Отлично. Я любила ресторан “SiX”, расположенный на двадцать шестом этаже нашего бизнес-центра. Шикарное место, куда даже с моей зарплаткой ходилось только по праздникам. Отлично подходит для торжественных новостей, торжественных событий. Для повышения – вообще отлично.

– Отлично выглядите, – улыбнулся Стариков мне, “летающей походкой” на своих лодочках подходящей к столику.

Ох, хороший столик. У окна. С видом на Москву с высоты птичьего полета. Красотища, никак не могу привыкнуть. Наверное, все-таки дело в контрасте. Кто же знал семь лет назад, что девочка из Владимира окажется вот так вот высоко. Эх, сплунуть бы из этого окна, так ведь завтра во всех желтых газетенках: “Ядовитый плевок главного редактора “Estilo” стал причиной трех смертей и начала зомби-апокалипсиса. Бегите, глупцы!”. Нет, это все шуточки, конечно, но все равно приятно здесь, сейчас быть тут, смотреть на благодатную рожу нашего гендира и разглядывать фоточки еды в меню. Так, и что я сегодня могу себе позволить, чтобы вечером не пришлось уж очень сильно потеть на беговой?

– Светочка, вы уже слышали про Гошу?

– Сломал ногу и дезертировал? – Я подняла брови. Печально, конечно, но...

– Увы, – Виктор Юрьевич драматично вздохнул. – Столько лет у руля, и такой неожиданный побег.

– Сманили или отдохнуть решил?

– Сманили, конечно, – Стариков поморщился. – Что тот перелом, через две недели у него назначение в Лондоне, и я думаю, он выйдет даже на костылях. Да хоть ползком.

Ну, да, я б тоже вышла, еще бы мне кто предложил.

– В общем, Светочка, я вас не зря сюда позвал, – дружелюбно улыбнулся мне Стариков. Ой, ну все, ну давай уже, большой босс, назначай меня, я на все согласна, ну ладно – почти на все.

– Извини, Вик, я опоздал, – раздался над моим плечом низковатый хриловатый голос. Ой-ой, у Старикова на поприще вербального удовлетворения неудовлетворенных женщин появился конкурент.

Я повернулась, глядя сверху вниз на заявившегося.

Блондин. Этаким весь из себя суровый, со светло-русыми волосами и бледно-голубыми блеклыми глазами. Костюмчик – серый, дорогой, явно шитый на заказ, но то ли портные пыта-

лись польстить клиенту, то ли у него были нехилые комплексы, потому что он казался слегка широковатым. Рубашечка в розовую полосочку, последний писк внезапно вернувшейся моды. И галстучек – тоже серенький с элегантным узором. И что это за чудовище такое? Я у него точно в долг денег не брала? Смотрит на меня, будто взглядом и в паспорт заглянул, и взвесил, и рентгенограмму сделал. Интересно, камни в почках высветил?

– Присаживайся, Антон, все в порядке. – Дружелюбная улыбка моего шефа мне не понравилась. И-и-и-и? Что это все за кордебалет?

Блондинчик плюхнулся за столик рядом со мной, развалился на стуле, задел меня коленом. Какой хозяин жизни... Еще не познакомились, но он меня уже бесил.

– Неберт, Антон Андреевич, – буркнул сей чудесный кадр, пока я, нежно охреневавшая от его манер, пристально его разглядывала. Нет, реально ощущение, что он какую-то прыщавенькую малолетку задел, а не взрослую успешную меня, у которой надменность – часть делового имиджа.

Неберт. Еще одна немецкая фамилия. Забавно. Получи фашист фашиста, так, дорогая судьба? А можно мне простого, русского, моего, того, от которого пальчики на ногах поджимаются. Ну на вечерочек хотя бы, мне много не надо. Хотя, кого я обманываю, Его – мне нужно всего, и побольше, побольше...

– Да, Светочка, познакомься, наш новый главный редактор! – деловито добавил Стариков.

Еще никогда мои амбиции не швыряли лицом об жестокую реальность с такой радостной миной на лице...

Глава 2. Бракованный

– Светлана, загляните ко мне...

– Антон Андреевич, у меня интервью не написано.

– Ничего, зайдите сейчас, его и обсудим, вам же не придется переделывать.

И трубку швырнул.

Без комментариев.

Частенько слышала эту фразу, сама не говорила ни разу. И не думала. Но вот – докатилась.

Мне вообще сейчас было не до закидонов своего драгоценного начальничка, и все, за чем я была бы согласна увидеть своего восхитительного главреда, так это исключительно за тем, чтобы швырнуть в него чем-нибудь тяжелым.

Взгляд так кстати задел выпендрегную наградку, с прошлогодней премии “журналист года”, а в голове мелькнуло, что вообще эта хрень мне никогда не нравилась, и для того, чтобы вправить в башке нового босса мозги на положенное место, мне в общем-то не жалко добавить и вон то золотое перо, которое на самом-то деле не очень и золотое, но довольно весомое.

Если вы еще не поняли, скажу вслух – подарочек от вселенной мне на день рождения оказался бракованный. Жаль, я не могла вернуть сие счастье в магазин по гарантии и попросить возврат старого-доброго Звягинцева. То ли мои лыжи не ехали в тандеме с Небертом, то ли где-то что-то сдохло, потому что нет, мы с ним не срабатывались. Никак. И за одну рабочую неделю не намечилось никаких подвижек, но обозначилось очень-очень много проблем.

Мне уже два года как не возвращали на правки статьи. И ладно бы по делу правил, нет, доканывался до всяких мелочей, приходилось брать себя в руки, тащиться к драгоценному редактору и там, под прицелом его блеклых глаз обосновывать, почему не стоит вносить вот эту, вот эту и вот эту правку.

Самое обидное – чем дальше я с Небертом работала, тем больше вопросов у меня было к совету директоров. Потому что Неберт... ну, как бы это помягче... Не шарил...

Ну вот взять Гошу Звягинцева. Вечно на диетах, ей богу, знал про правильное питание и калории больше, чем все наши сотрудницы вместе взятые. В спортзале бегал с легонькими гантельками, смертельно боялся приседов со штангой, а то “бедрa станут объемнее”. При маникюре, и к косметологу шлялся чаще, чем я. При этом – всегда появлялся на работе в компании двух юных нимф, всегда разных. Если судить по внешности – типичный жиголо и трепло, но на самом деле, именно Георгинчик соображал в моде, в векторе движения нашего журнала, в моделях и фотографиях больше моего. Именно он умел выжать из материала шестьсот процентов, именно он всегда знал, где творится самый острый и самый интересный движняк, а по способности предсказать тренды ему вообще равных не было.

А этот...

Ну, короче говоря, если следующий номер и выйдет сносным, то только потому что я отличалась истинно козлиным упрямством и умела доказывать целесообразность тех или иных материалов. Но скажем честно – мне было жалко нервов и своего времени. Нет, посмотрю на сие благолепие еще недельку, а потом, пожалуй, напишу заявление.

Я ужасно любила “Estilo”, коллектив был прекрасный, сложившийся, устойчивый, но...

С появлением Неберта женская часть коллектива как с ума посходила.

Господи, чего я только не наслушалась про нашего нового главреда, даже от собственной ассистентки. И профиль-то у него породистый, и “боже, какие плечи”, а уж сколько неумных восторгов было по поводу его роста... Ну да, блин, высокий. Очень высокий. И? И тонковат. Ну, на мой субъективный вкус. Я предпочитала мужиков пониже и покоренастей.

При том, Неберт времени особо не тратил, переспал уже и со своей секретаршей, и с самой молоденькой и симпатичной девочкой из бухгалтерии.

Сегодня после обеда я застала его точащим лясы с Энджи, крайне смущенной, и от того несущую чушь в два раза интенсивнее обычного.

В общем, я чудом удержалась от того, чтобы не процитировать предсмертную фразу Цезаря в тот момент. И предпочла бы в принципе до конца сегодняшнего дня обойтись без компании “любимого” начальства, но вот... Что-то ему там приспичило.

Пару минут промедитировав над интервью, я все-таки сунула ноги в лодочки, оставленные под столом, и вышла из кабинета. Игнорировать начальство было совершенно некомильфо. Даже если начальство бесило.

Неберт пил кофе. Сидел себе в кресле, откинувшись на его спинку, и любовался на что-то на экране своего монитора. И чашку – маленькую, изящную фарфоровую держал, по барски оттопырив палец. Боже, ну лапищи. Медвежьи просто. На что тут вздыхать, скажите на милость?

– Садитесь, Светлана, – Неберт качнул подбородком на кресло слева. С него кстати было видно монитор, но когда я села – главред уже все свернул, а потом уставился на меня своими светлыми глазами.

– Я видел, что вы опять сменили модель для съемки Нины Миренцо. – едко произнес он. – Я же ставил другую.

– Нина терпеть не может блондинок, – устало произнесла я. – И блондинов, кстати, тоже. Пройденный этап, принесите ей фотографии не с рыжими – и она просто откажется от рекламных материалов. Сомневаюсь, что совет директоров этому обрадуется.

Не говоря уже о том, Антон Андреевич, что выбирать моделей надо не головкой члена. И одобренные Небертом девочки чуть не слили нам всю съемку, будто явились на лекцию в ПТУ, которую просто нужно было отсидеть с бессмысленным, ничего не выражающим лицом. Пошли мы такие фотографии Нине – и она бы больше в принципе к нам не обратилась. И на порог бы не пустила. Дизайнеры – народ обидчивый.

Неберт уставился на меня тяжелым взглядом, барабанил пальцами по столу. Честно говоря, раздражало уже это. Нет, может и не неделю придется ожидать. Пару дней – и если не наметится хоть какой-то положительной перспективы – надо валить. Иначе я могу и убить свое потрясающее начальство ненароком.

– Вы конфликтный человек, вы это знаете, Светлана? – вкрадчиво поинтересовался Антон.

Я пожала плечами. Ну, если нормальную самооценку и четкое понимание происходящего назвать конфликтностью... Смею заметить, когда ты аргументированно доказываешь, почему ты прав – это вряд ли называется конфликтностью. Ну да, обосновать, блин, приходилось все. Включая то, что в работу наших рекламщиков вмешиваться не стоит, особенно с очень радикальными, очень новаторскими и очень сомнительными предложениями.

– Как ни крутите, я – профессионал, – откликнулась прохладно, просто констатируя факт.

– А я выходит – нет? – насмешливо произнес Неберт, разглядывая меня оценивающе.

– Может быть, не в фешн-журналистике, – улыбнулась вежливо. Формулировка была очень обтекаемая, тон нейтральный. Всего лишь мое мнение. Скажете, зря я это говорю главреду? Да ей богу не страшно. В конце концов, у меня была своя репутация. Да и под всякого идиота не прогнешься. Вообще ни под кого не стоит, если уж на то пошло.

– Знаете, Света, мне даже нравится ваша наглость, – произнес Антон, криво ухмыляясь. – Вы совершенно не боитесь, что я могу устроить вам проблемы?

– Какого рода проблемы? – я подняла бровь. – Черные списки и “тебя не возьмут ни в одно приличное издание”? Нет, не боюсь. Я хорошо известна в наших кругах, а вас... Вас

никто не знает, у вас нет имени, я вообще не знаю, почему назначили именно вас, хотя не исключаю, что вы сыночек кого-то из совета директоров. Но тогда успокоились бы вы уже, и дали бы мне делать мою работу.

– И вас устроит, что я занимаю ваше место? – насмешливо фыркнул Неберт.

– Мы в России, – скучающе откликнулась я. – Здесь кумовство – в порядке вещей. Кто считает, что может переломить систему только своими усилиями – тот идиот. А я идиотизмом не болею. Так что не расстраивайте вашего папочку, Антон Андреевич, не топите журнал. И дайте мне работать спокойно.

В какой-то момент моей тирады лицо Неберта, разглядывающего меня с дружелюбностью голодного тиранозавра замерло, будто фарфоровая маска.

Но он сам затеял этот разговор. Я вполне могла держаться в рамках делового этикета, но раз был задан вопрос про личный профессионализм – ты сам виноват, мальчик.

Нет, на самом деле мальчик. Он был всего на пару лет старше меня, и мне, имевшей слабовость к мужикам постарше, эта конкретная особь мужского пола с гордой немецкой фамилией казалась лютым сопляком. Тридцать лет, а надо же – получает место по благу от папочки из совета директоров. Иные сыновья состоятельных родителей – к этому времени не только приходили в себя, но уже всю добивались каких-то своих целей. У Него, например, тоже был сын. Взрослый сын. И сразу как только он вернулся из Оксфорда – с головой ушел в отцовский бизнес, догоняя, доказывая отцу, что он не зря вкладывал в отпрыска свои деньги. Доказывал кстати, Он был доволен.

Взгляд у Неберта был довольно убийственный, но я его выдержала. Да боже мой, я столько лет выдерживаю в фешн-серпентарии, неужели один конкретный дятел мне умудрится пошатнуть самооценку?

А потом его лицо изменилось. Вдруг внезапно сделалось дружелюбным, почти как у Санты. Ну и искренним примерно настолько же, как у тех пластиковых дедушек.

– Вы замечательный сотрудник, Светлана, – ухмыльнулся Неберт. – Не пасуете перед авторитетом начальства.

– Я знаю, – любезно улыбнулась я, примерно с той же степенью доброжелательности и сглотнув, что конкретно вот это вот драгоценное начальство для меня ни разу не авторитет.

– Почему я ни разу за эту неделю не видел вас в юбке, Света? – неожиданно бархатным тоном поинтересовался главред. Судя по всему, настроение у него менялось как погода в середине осени.

– Не помню, чтобы они были обязательны по дресс коду. – Натянутость моей улыбки зашкаливала. – Я не ношу юбок на работу.

– Ничего, – Неберт улыбнулся. – Наденете на наш с вами ужин и будете прощены.

Что, твою мать?

С минуту я глядела на этого идиота, удивляясь его святой простоте. Кто-то выучил пять правил пикапа, поимел двух местных дур и возомнил себя казановой?

– На наш с вами ужин я могу надеть только деревянный макинтош, – скальпельно острым тоном сообщила я. – И исключительно на вас, Антон Андреевич.

– Ну бросьте, Свет, – тоном истинного ловеласа бросил Неберт. – Вам не идет ломаться.

– Вы точно не пьяный? – недоверчиво переспросила я. – С чего вы вообще решили, что я могу на это согласиться?

– Хотите знать? – Как-то странно он на меня смотрел. С каким-то презрительным превосходством. Будто на шлюху смотрел. Вот на девок своих так смотри, мудак.

– Нет, пожалуй. – Я встала с кресла. Я хотела сейчас лишь послать его куда-нибудь на Тибет, общаться с горными козлами, как с самыми ближайшими родственниками.

Неберт опустил ладонь на компьютерную мышку, шевельнул ей, щелкая по одному из значков на панели задач. И я это его движение видела, у меня был удачный ракурс.

Я не то чтобы хотела смотреть, что он там разворачивает, но это вышло как-то само собой. И это сработало.

Я замерла, глядя на экран. Аж в жар бросило.

Этой фотографии просто не могло быть у этого мудака, но она у него была.

Там, на экране была я. На темной кровати, застеленной черным шелковым покрывалом. Абсолютно голая. Прикованная к кровати, с раздвинутыми в разные стороны ногами. Бедро тоже были надежно закреплены фиксаторами, свести колени я тогда не могла. И все напоказ – все мое женское естество, и глаза у меня смущенные, блестящие... Боже, что это была за ночь...

– Красиво, а? – сладко поинтересовался Неберт, пока я пыталась преодолеть звон в ушах. – Я думаю, достойно печати на нашем развороте, как думаешь?

Я молчала, пытаюсь унять судорожный спазм, которым свело в груди легкие.

– Ужин в семь, я за тобой заеду, – самодовольно произнес мудака, с такой мерзкой улыбкой, что я ему чудом не врезала. – И не надевай белья под платье. Не люблю тратить на него время. И лучше бы тебе быть послушной девочкой, Светочка.

– А не то? – сипло уточнила я, давая ему последний шанс оказаться не этой липкой тварью.

– А не то эти фотографии окажутся в соцсетях, на нашем сайте, да везде, куда я смогу их отправить, – приторно улыбнулся мудака.

Глава 3. Приторный

Тьма, клокодавшая в моей душе, требовала кровавых жертвоприношений. И кофе.

Я села на край стола мудака, потянулась к кнопке селектора.

– Маша, даю тебе три минуты на двойной эспрессо.

Моим тоном можно было колоть лед. И сломать нос. Жаль – магия не сработала.

Умница Иванова справилась за две минуты, заранее, что ли, кофемашину завела? Что, мои привычки настолько глубоко здесь изучены? И какая же жалость, что придется послать сие прекрасное заведение в тесные объятия щупалец Ктулху. И оставить его на расправу этому вот... Тьфу, думать тошно. Хоть сжигай все после себя. Вот Нероном я себя еще не представляла.

– Светлана Валерьевна, без сахара... – пискнула Маша, протягивая мне чашку. Точно, слишком хорошо меня тут знают, вон, даже по селектору безошибочно распознают тон.

– Все верно. – Я чуть подняла уголки губ, принимая чашку, и секретарша, заглянув мне в лицо чуть не ойкнула. Слабо. Она должна была окаменеть, как минимум. Ядовитая тварь я или нет?

Проводив напуганную Машу взглядом, я подняла уголки губ сильнее и повернулась к Неберту лицом.

Нет, не нужен был мне никакой сахар, и сироп. Тут и так было достаточно приторного, больше чем нужно – в одной только этой кривой самоуверенной ухмылке.

– Без истерик, крошка, – усмехнулся он, прокручивая в пальцах золоченый паркер (ух, сколько эротических приключений его могло бы ожидать вместе с этим паркером, реализуй я хоть пару кровожадным мыслишек из собственной головы), – вздумаешь облить меня кофе...

– Кофе – крайне ценный ресурс, – невозмутимо сообщила я. – Переводить его на ублюдков – нерационально. Да и бесполезно, скотство не вылечишь кофейным компрессом, Антон Андреевич.

Да и чашка денег стоила. Но даже если бы она была бесплатная, я бы ею пожертвовать ради одного мудака не смогла бы.

Неберт сощурился, разглядывая меня. Ему по-прежнему не нравился мой тон, хотя следует сказать – сейчас он был еще более наглый, чем до этого. Прикидываться вежливой и культурной мне уже необходимости не было. Обратный отсчет шел на секунды.

– Своим хамством ты сейчас усложняешь себе жизнь, Светочка. – Ой, божечки, какой елейный голосок, вот точно, вот именно сейчас у меня все и слипнется, да. – Ты что, не хочешь отделаться одним разом?

Вот что у него было в этой пустой черепушке? Он считал меня за кого? За выпускницу института благородных девиц, которая не знала, как легко можно копировать одну фоточку, и что шантажисты – такой сволочной народ, что редко успокаиваются после того, как получают разик то, что им хочется. И да, потом будет хуже, еще унижительней, еще неприятнее. Хотя, сейчас меня могло стошнить просто от того, что вот этот кусок дерьма на меня смотрит. От его взгляда на коже будто оставались липкие, грязные следы, и наверное, для того чтобы их смыть, мне придется принять ванну с Фэйри, не меньше.

Я сделала глоток кофе из чашки. Будто вдохнула эту терпкую горечь, растекающуюся по языку. Вот. Мир стал на полградуса лучше.

– Откуда? – со всей возможной миролюбивостью поинтересовалась я, бросая взгляд на монитор. И все-таки, какая же безумная тогда была ночь, приятно вспомнить, даже несмотря на обстоятельства. И я... Красивая, растрепанная, лукаво прикусывающая губу. Слабая. Уязвимая. Ужасно редкое ощущение. Я его и не знала до знакомства с Ним... И как я сейчас

тосковала по этому ощущению, когда не нужно было вскакивать, бежать, решать проблемы, останавливать на скаку коня. Оно было хорошо – если в меру.

– Ну а как ты думаешь, – с превосходством поинтересовался мой почти уже бывший босс. – Твой хозяин подарил.

Ну да, это были очень эксклюзивные снимки, которые Он делал для себя. Поверить, что это ушло налево без Его участия, я не могла.

– Господин.

Брови Неберта удивленно дрогнули.

– Я называла его только господином. Не хозяином, – прихлебывая кофе, спокойно пояснила я до того, как Антошенька решит, что я обращаюсь к нему. С его-то птичьим умишком – не исключено, что именно так он бы и сделал.

– Значит, будешь так называть меня...

Я не выдержала. И расхохоталась. Прямо в чашку. Кофе полетел во все стороны красивейшим веером брызг. Ну, блин, и чем мне успокаиваться? Блузке пришел бесславный конец, ну да ладно. Нет, это был шедевр кретинизма. И где вообще таких идиотов печатали, где находится эта дивная кунсткамера? Я очень понадеялась, что это был штучный экземпляр урода. Двух таких земля бы не вынесла.

– Господи, – я прикрыла глаза, а затем, оставив чашку, уселась на стол уже всей задницей, а не только на краешек. Во все глаза уставилась на Неберта.

– Значит, господин, да? – уточнила я. И... Да, кажется, начала палиться в интонациях. Потому что рожа у Антончика вытянулась очень подозрительно. Но, тем не менее, он поощрительно улыбнулся. Молодец, мол, быстро схватываешь.

– Ты хоть понимаешь, о чем ведешь речь, господин? – Если бы мой тон можно было представить в виде жидкости – это была бы какая то кислота, и она бы плавилась абсолютно все, с чем соприкасалась. – Ты знаешь, что такое Тема, ты хоть на кого-то надевал ошейник?

Эти аномально светлые, еле-еле голубые глаза прищурились. Будто с вызовом. Чесанула за живое?

– Господи, неужели да? Неужели ходит под этим солнцем та дура, которая встает перед таким чмом на колени? – Ну, точно, глаза идиота яростно полыхнули. Точно, ходит. Мой мир никогда не станет прежним. И ведь... И ведь нет же, он же ходит на леваки, к Энджи вон клинья подбивал.

Иногда я жалела, что с некоторых пор в Тему ходили все подряд, просто потому что это было модно.

– Эту фотку делал человек, который для меня все, – я кивнула на экран и смерила урода презрительным взглядом. – Его я могла назвать хоть богом. Он того действительно заслуживал. А ты... Ты ни на что не годное ничтожество, дорогой. Дешевка в костюмчике.

– Твое «все» тебя предал, детка, – презрительно выдохнул господин мудака. – Продай твои фоточки за один бакс. По приколу. Да-да, все твои фотки. Чем будешь выкупать? Минетами? Язык не отвалится работать?

– А вы, Антон Андреевич, как я погляжу, за член свой совсем не переживаете? – насмешливо уточнила я. – Я ж вам бы его отгрызла наверняка, если б не брезговала.

Предал...

Хах, дохрена этот ублюдок понимал в моих отношениях с Ним. Если Он дал фотки кому-то на сторону – значит, он этого захотел. Он мог делать все что угодно с этим. Это я была его сабой, а не он моим. И я дала ему разрешение делать с этими фотографиями что угодно. Да хоть он сам бы это в интернет пустил да по газетам разослал. Ему – было можно. А с чего какой-то левый мудака решил, что ему можно что-то хоть мало-мальски аналогичное? Вот уж реально в голове девяноста процентов особей мужского пола – вата. Если саба для кого-то, значит, кому угодно позволит об себя задницу вытирать? А больше ты ничего не хочешь, мажор?

– А ты, как я погляжу бесстрашная? – Голос у Неберта вкрадчивый. – И не боишься, что тебя в таком виде вся желтушная Москва обсуждать будет?

Нет, я не боялась. Боже, аж смешно.

Нет, наверное, это сработало бы. С кем-то другим.

Этот мир, увы, полон наивных барышень, которые ужасно стесняются или попросту не смеют сознаться в темных сторонах своей душеньки. Да что там Тема, некоторые совершенно упоротые леди всю могли утверждать, что они, мол, вообще ни с кем и никогда сексом не занимаются, а ребенок у неё от того, что она ванну после мужа приняла.

Таких невинных божьих созданий, разумеется, компромат вот такого рода, наверное, бы ужасно испугал. Мне же было только жаль. Жаль, что вот это вот увидел один неприятный персонаж. Но если этих персонажей вдруг окажется несколько тысяч – я тоже в принципе переживу. Ну... Пусть подрочат, что ли. Я на тех фотках очень даже ничего. Сама бы себя трахнула, если б было чем.

Объективно, единственный, перед кем я бы реально боялась светить таким компроматом, – и был Он. Но будь у меня такая ситуация – я бы просто ему в этом созналась, потому что ненавижу врать. Ей богу, лучше бы сейчас у меня была такая ситуация, и было бы кому сознаться. Меня наказали бы – и дело с концом, и все страдания.

Нет, я могла представить те заголовки, можно быть уверенной – в ближайшие полгода количество поз и ракурсов, в которых я была запечатлена на той фотосессии, обеспечит множеству мелких и не очень изданий пищу для каких-нибудь приторных и заплесневелых статей. Ну, тем лучше.

Я усмехнулась этим мыслям, потянулась вперед, поймала Неберта за галстучек, потянула на себя. Наверное, он подумал, что я раскаялась и решила дать ему прямо сейчас. Потому что он повелся, поднялся, придвинулся ко мне. Ох и здоровенная же хрень. Нет, точно нет, даже если бы и не был таким козлом.

– Умоляю, сделай мне пиар, Антончик, – нараспев улыбнулась я, чуть качнулась к нему, щелкая зубами у кончика носа, делая вид, что пытаюсь его откусить, а затем увернулась от руки недобосса, которой он попытался поймать меня за плечо, и скользнула к двери.

– Уйдешь сейчас – я тебя уволю, – в спину мне впечатывает злющий мудака. Ну, не зря старалась. Нет, он точно неизлечимый идиот. Ну, все же знают, что с террористами и козлами переговоров вести не стоит.

Так и быть, я вернулась к столу Неберта. Достала из принтера чистый лист, выдрала паркер из пальцев Антошеньки. Ведь правда – заявление об уходе «по собственному» я решила писать в последнюю очередь, оставить на сладкое. И чуть не забыла. Как так?

Причина увольнения: «Не могу работать под началом озабоченного членомосца».

Гениально. Сама на себя не нарадуюсь.

Кстати, это тоже может испортить мне имидж, но не страшно. Чем скандальнее уйду – тем лучше. Больше поводов просить красивую зарплату в новом месте. Распиаренная личность, все-таки, могу устроить шумиху на всю Москву, бомонд будет нервно курить и посасывать свой боржомом из трубочки.

Закончила выводить строчечки на белом листе бумаги, протянула его Неберту.

– Я же и Старикову могу его подать, – фыркнула, заметив, что он примерился к тому, чтобы разодрать лист напополам. – И не думаю, что совету директоров понравится мой уход.

Господин мудака глянул на меня с яростью – ох, беда-то какая. А потом швырнул лист на стол перед с тобой, дернул из канцелярского органайзера ручку и черкнул под заявлением свою закорючку. Подпись как у первоклассника, “Н.А.” и петелька. Слабак. Вот у меня подпись. Хрен подделаешь. На четверть листа.

– Хороший мальчик, – поощрительно протянула я, с улыбкой голодной гиены забирая у него свое заявление. Сама в отдел кадров занесу. Сфоткала заявление с подписью на память, потом кину в инстаграмм, и накатаю какой-нибудь ядовитый текст.

– Ты должна отработать две недели. – Попытался было остановить меня Неберт.

– Сходи-ка ты в анальное путешествие по своим темным пещерам, господин начальник. – Я подняла левую руку над плечом, оттопырила средний палец.

Должна-то должна, но знакомый врач нарисует мне больничный на пару недель. А я в этом гадюшнике больше ни секунды не останусь.

Напоследок я с чистой душой хлопнула дверью.

Nasta la vista, ублюдок.

Глава 4. Потрясенный

У Эда звенело в ушах еще с пять минут после того, как девушка вышла из его кабинета. Это что сейчас такое было вообще?

И...

Какого хрена?

И никаких слов не было – одни только междометия, и те нецензурные.

Это ж надо – вот так!

По идее нужно было встать, догнать, поставить обнаглевшую девицу на место, а все что мог сейчас сделать Эд – это невидящим взглядом пытаться рассмотреть дверь.

Его еще никогда так не посылали.

Ну ладно, он еще никогда столь грязным способом женщину в постель не тащил, но... Нет. Никто. Не смели. А эта...

Каждое слово будто висело в воздухе, и жгло, заставляя ярость в груди бурлить еще сильнее. Наглуую девицу хотелось только придушить, потому что – как она смеет вообще что-то из себя строить?

Охренеть. Эда послала... Саба. Нижняя. И... Как отец с ней справлялся? Как был для неё “всем”?

Нужно сказать уже вслух: Эд прокололся. Он думал, что это будет обычная скромная девочка – ну не зря же говорили, что Светлана Клиндер, известная как Сапфира, уже два года не появляется среди Тематиков. Эд был уверен – после разрыва с отцом подстилочка решила завязать и поискать кого попроще, пованильнее. Может даже решила выскочить замуж за какого-нибудь идиота. Значит – напоминания о Тематическом прошлом ей ни к чему.

Честно говоря, Эд Сапфиру (а по имени он её в уме и не называл, слишком это было интимно, не стоила эта дешевка такого уважения) уже четыре года как ненавидел. Из-за неё отец развелся с матерью и стал гораздо меньше общаться с семьей, мотивируя это тем, что с бывшей женой он видется и не обязан, а Эд – уже слишком взрослый, чтобы нуждаться в отцовской поддержке круглосуточно.

Променял семью на девку. Что с отцом было? Потянуло на молоденьких?

Нет, Сапфира была, разумеется, красивой. Страшных любовниц Александр Эдуардович Козырь просто не держал. Ну, по крайней мере – до Сапфиры. Это при ней он завязал с ними всеми, спал только с Сапфирой, будто она была какой-то уникальной. Ну вот значит мать была этого не достойна, а Эта – оказалась вдруг? И за что такие заслуги, спрашивается?

Да – красивая. А еще ухоженная, стройная. Но... И все?

Эд разглядывал эту девицу уже неделю. Кто спорит, она одевалась стильно. Но будто асексуально, как нарочно. Эти её вечные широченные брюки, блузки, застегнутые под горло... Волосы вечно подколоты, и нет, прическа была, конечно, хороша, но свободные волосы её бы украсили лучше. Из дани женственности – только туфли, и те на невысоком каблучке. Даже ассистентка её бегала на высоченных шпильках.

Вообще, при отце Сапфира была совершенно другой.

Эд видел её при жизни отца только один раз. Козырь-старший лишь однажды в первый год после развода привозил её на день рождения Эда, хотел познакомить любовницу и сына, но... Эд его послал тогда. Не хотелось ему знакомиться с женщиной, из-за которой было разрушено счастье его матери. И все, что он помнил в тот вечер о Сапфире – так это изящный девичий силуэт, стоявший у окна ресторана. Тогда она была в режущем глаза коротком бирюзовом платье, в ярких желтых туфлях, и темные гладкие волосы были распущены. И кстати были в два раза длиннее, чем сейчас. Сапфира-то Эда не видела – он так и не подошел к ней, чтобы познакомиться, а вечеринка тогда была шумная. Он послал отца, отец пожал плечами,

вернулся к Сапфире и уехал. С той поры чеки Эд от него на день рождения получал, а самого отца на своих вечеринках не видел. И от этого у Эда бесконечно пригорало. Предпочел! Выбрал подстилку!

Вообще-то о Сапфире в среде Тематиков ходило много сплетен. Вплоть до того, что в Теме она сразу с совершеннолетия, около двух лет она меняла Верхних как перчатки, просто потому что они не могли следовать её условиям. Честно говоря, Эд этим слухам не очень верил. Ну, какие могут быть условия у Нижней? Условия же всегда диктуют Верхние.

Но вот сейчас он, кажется, догонял, в чем было дело.

Этот характер...

Эти зубы, которые она показывала чуть что...

Собственно из-за этих зубов Эду и пришлось прибегать к такому инструменту психологического давления как компрометирующие фотки. Она просто не велась, игнорировала все знаки внимания и вообще вела себя так, будто в её вселенной все были сплошь бесполными созданиями и никто из мужчин её заинтересовать будто бы не имел никаких шансов. Везде, где уже сто раз бы сработал статус босса, для многих девиц, потенциальных саб, желающих чтобы их подчиняли, работавший как дополнительная эротическая стимуляция – Сапфира лишь закатывала глаза и проходила мимо.

Везде, где Эд мог свести личное расстояние на нет, добиться внимания прикосновениями или пристальными взглядами, Сапфира не давала даже повода, будто и неважно ей было это все. Эд уже неделю таскал ее в свой кабинет, довольно откровенно ее разглядывал, а она будто и не замечала вовсе. Столкнись с ней взглядом – не смутится, глаз не отведет. Пригласил на ужин напрямую – отшила, причем по-хамски. Даже компромат на неё не возымел должного эффекта. Вытерла об Эда ноги и ушла. Саба! Об Доминанта! Да где это видано вообще? И почему сейчас Эд чувствовал себя каким-то неопытным сопляком?

И все-таки что в ней нашел отец?

“Он для меня все”.

Она говорила невозмутимо, будто не открывая секрета. В настоящем времени. Будто и не было между ней и отцом никакого разрыва, будто она и не забила на него на два года, пока он лежал в европейских клиниках и боролся за каждую неделю собственной жизни. Лживая, фальшивая стерва. Строила из себя чуть ли не святую. Может, она еще не спит ни с кем? Вот она-то!

К чему Эду приспичило завалить Сапфиру в койку?

Ну, отчасти – это бы послужило ему неплохим доказательством того, что отцовская бывшая – действительно дешевка, как Эд о ней и думал.

Но вообще-то цель была более глобальной.

Эд должен был стать для Сапфиры Доминантом. Хозяином. Таким, чтобы она смотрела ему в рот и не смела спорить. Только доминант мог диктовать нижней условия, претендовать на то, чтобы принимать решения за женщину. А Эду нужно было именно это.

Отец...

Отец взял и подставил его. Завещал сорок из шестидесяти процентов акций концерна своей бывшей любовнице. И у Эда, конечно, был контрольный пакет, но это же совершенно не то, что владеть бизнесом в одиночку. Да еще и совместно управлять концерном, если что, пришлось бы с Ней. При её-то характере и вечной привычке спорить. Нет уж. Эд заставит её продать эти акции – ему же. На встречу придут его представители, а сам Эд после сделки был намерен Сапфиру кинуть и свалить, испортив ей репутацию насколько это возможно.

О наследстве она пока не знала. Нотариус согласился дотянуть до конца двух недель, что давались на связь с наследниками. Ну еще бы он не согласился, за полмиллиона-то живых наличных.

Когда завибрировал на столе телефон, Эд сидел и прикидывал возможные варианты решения проблемы.

Звонил Стариков.

– Я тебя слушаю, Вик, – произнес Эд, прижимая телефон к уху.

– Эдичка, солнышко, ты там что творишь, золотце ты мое? – вкрадчиво протянул Вик.

– У меня все под контролем.

– Ну не ври. – В голосе генерального директора “Estilo” зазвучали первые яростные нотки. – Уже сорок минут инстаграмщики бомбят от того, что Клингер ушла с поста замредактора нашего журнала. Вспоминают, что же с нами будет без неё и Звягинцева, и как быстро мы начнем разлагаться. Мы с тобой разве так договаривались, а?

– Мы договаривались, что Гошу я отправлю на две недели в Тайланд, и он оттуда соизволит посмотреть номер, и подкорректировать если что.

Честно говоря, затраты на то, чтобы добраться до собственного, честно заслуженного наследства уже были приличные: взятка нотариусу, взятка Старикову, “больничный” для Гоши, фальшивые документы, такие, что ни один паспортный контроль бы не придрался. И, хоть Эд мог это все себе позволить, но все-равно, подход к каждому заработанному доллару у него был еврейский. Ладно. У Сапфиры-то он акции собирался отжать по дешевке. Затраты оправдаются с лихвой.

И все равно бесило. Почему сейчас бесил и Вик – старый приятель еще по экономическому курсу в Кембридже. Мало того, что с Эда поимел в два раза больше, чем нотариус, так и теперь за Сапфиру, за обычную наглую девицу цеплялся так, будто она чего-то стоила.

Однако скептицизм Эда не удержался и ввернул, что вообще-то да. Сапфира – стоила. Она соображала в делах журнала как никто. И действительно волоком тащила журнал «в счастливое будущее», несмотря на то, что Эд старательно косячил. У неё было видение готового продукта. Не одной статейки – а всего журнала, чуть ли не постранично. И пролистывая макет, который за неделю заполнился ровно наполовину, Эд вроде и пытался понять, как бы ему стерву уесть и найти где-то возможность “сделать лучше”, но... Но да, он профессионалом в фешн-журналистике не был, вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.